

Три дня, которые потрясли Россию

1

И тем не менее – один переворот прошёл как по маслу, а другой закончился арестом его инициаторов.

Да, сюжет тот же, но декорации совсем иные. А уж количество действующих лиц неизмеримо больше. И среди них не только политики, но и – действительно – народ, который за годы горбачёвской перестройки отвык бояться.

В 60-е годы не было относительно свободной прессы, которая к началу 90-х успела внедрить в сознание: «Так жить нельзя!». Не было факсов и ксероксов, благодаря которым уже утром 20 августа, например, в Свердловске витрины и столбы были обклеены воззваниями российского руководства. Наконец, не было этого самого российского руководства, независимого от союзного центра и пользовавшегося поддержкой снизу.

Заговорщики, похоже, все принимали Ельцина в расчет, воспринимали его лишь как главу одной из союзных республик, который ни серьёзной властью, ни влиянием на силовые структуры не обладает. Целью был Горбачёв, а Ельцин (который, конечно, мог что-то там прокричать) в условиях информационной блокады не казался опасным. А может быть, надеялись путчисты, и не ринется он на защиту Горбачёва, от которого столько натерпелся.

Как будто бы российский лидер и его соратники в 1990–1991 годах не показали уже свою способность выводить на улицы десятки тысяч людей! Как будто бы не было недавних президентских выборов, на которых в условиях жёсткой борьбы Ельцин получил 57 процентов!

Президент России в момент путча был в стране, безусловно, самой легитимной фигурой. И обладал не только народными голосами, но и решительностью, бесстрашием, а также богатым опытом политического выживания. Оказавшись в форсированном зачетении Горбачёв, по свидетельству его помощника А. Чернышева, произнёс: «Убеждён, что Борис Николаевич проявит весь свой характер».

Возможно, впрочем, кое-кто из гкачепистов учитывал всё это. Как установило следствие, арест российского лидера (а также многих других политических и общественных деятелей) действительно планировался. В четыре утра 19 августа позиции возле дачи Бориса Николаевича в Архангельском заняло подразделение группы «Альфа».

«Ещё не зная цели операции, люди в пятнистой форме проложили от шоссе просеку через лес, – сообщает в книге «Заниски президента», – а затем выслушали по радио бредовую формулировку: по особому сигналу доставить Ельцина «с целью обеспечения безопасности переговоров с советским руководством». Никто ничего не понял. Но пояснений не последовало: приказ о нападении на дачу был к тому времени (в пять утра) отменён лично Крючковым».

Почему? Председатель КГБ посчитал, что арест вызовет взрыв возмущения и выведет людей на улицы?

Как бы то ни было, утро 19-го августа российский лидер встретил в Архангельском. От родных он узнал о сообще-

ниях по радио. Вместе с соратниками составил обращение к гражданам России. А затем... сел в автомобиль с российским флагом и вдоль танковых колонн благополучно доехал до Белого дома. И уже отсюда во все концы пошли документы, отменяющие распоряжения ГКЧП.

К вечеру возле Дома Верховного Совета РСФСР на Краснопресненской набережной собрались многие тысячи москвичей. Теперь нейтрализация «группы авантюриста Ельцина» (так выразился один из заговорщиков) стала для гкачепистов весьма трудной задачей.

Между тем военные не желали проливать ни капли крови. Ещё свежи в памяти были конфликты в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, других местах, когда применялась сила. Авторы тех «простых» решений всегда уходили в тень, армия же оказывалась крайней.

Незадолго до путча Борис Ельцин побывал в образовательной дивизии. Тогда на прямой вопрос президента России, можно ли в случае чего положиться на военных, командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачёв ответил: «Да, можно». Утром 19 августа Ельцин первым делом позвонил Грачёву и напомнил тот разговор.

«Грачёв смутился, взял долговую паузу, было слышно на том конце провода, как он напряжённо дышит, – пишет Борис Ельцин в книге «Заниски президента». – Наконец он проговорил, что для него, офицера, невозможно нарушить приказ. И я сказал ему что-то вроде: я не хочу вас подставлять под удар...».

Он ответил: «Подождите, Борис Николаевич, я пришлю вам в Архангельское свою разведотрупу (или роту охраны, не помню). Я поблагодарил, и на том мы расстались. Жена вспоминает, что уже в то раннее утро я положил трубку и сказал ей: «Грачёв наш».

В ночь на 21 августа на въезде в тоннель на пересечении Садового кольца и Нового Арбата произошли столкновения защитников Белого дома с колонной бронетехники. Погибли Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов. А наутро министр обороны Язов, выслушав своих заместителей, отдал приказ о выводе войск из Москвы.

Аппаратный переворот

Рассчитывая на усталость от «перестройки», на недовольство неразберихой и путаницей прилавками, путчисты, в общем-то, не ошибались. Глубинка в массе своей поняла только, что «скинули Горбачёва» (такие крупные города, как Свердловск – особый случай). Многие региональные лидеры прямо заявляли о поддержке ГКЧП и о необходимости наведения порядка. Что же касается глав союзных республик, то недавние борцы за суверенитет или хранили молчание, или отбегав от рассуждений о необходимости «не допустить хаоса и провокаций». «Уже первый день действия чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР показал, что люди вздохнули с облегчением», – самоуверенно отмечалось в заявлении ГКЧП.

Не учли заговорщики одно: на крупных поворотах российской истории события всегда сосредоточены в столицах.

Но захват власти – не заседания и согласования, не дележки кабинетов, а решительные действия и мгновенный ответ на быстрое изменение ситуации.

Можно ли сейчас чётко ответить, кто был подлинным лидером заговора? Янаев, продолживший себя исполняющим обязанности президента СССР? Хорош лидер, который после возвращения делегации путчистов из Фороса не знает, что делать, и до поздней ночи тянет с подписанием

Пресс-конференция членов ГКЧП 19 августа запомнилась всем трясущимися руками Янаева (на снимке второй справа)

де. Так было и в эпоху дворцовых переворотов, и во время потрясенный начала XX века. И решающей сейчас являлась не инертность провинции, а позиция москвичей, которых скопление военной техники на улицах лишь разозлило.

Лидеры переворота – опытные аппаратчики, сформировавшиеся в застойные годы. То есть во времена, когда вопросы решались неторопливо, а то и просто откладывались в долгий ящик. Когда на всё требовались многочисленные согласования и никто не хотел брать ответственность на себя. Они и к перевороту подошли чисто бюрократически: длительное и достаточно бесплодное заседание вечером 18 августа, срочный отзыв из отпусков чиновников, согласием которых надо заручиться (например, председателя Верховного Совета СССР Лукьянова и министра иностранных дел Бессмертных). Даже в том, кого допустили они в свои ряды, проявились анкетные рефлексы брежневской эпохи: промышленность в новом властном органе представлял директор завода, а сельское хозяйство – председатель образцового колхоза. «Им немедленно выделили охрану и по большому счету в Кремль», – сообщает в своих мемуарах Б. Ельцин.

Даже стремление в последний момент не допустить подписания нового союзного договора (оно было намечено на 20 августа) – вряд ли основная причина заговора. В СССР 60–80-х годов национальные элиты и так были достаточно самостоятельными: Москва десятилетиями не сменяла местных вождей и сквозь пальцы смотрела на их злоупотребления. Фактическую власть республиканских элит теперь просто предлагалось оформить юридически.

Так что же заставило высшую номенклатуру СССР потерять голову? 29 июля 1991 года, перед отъездом в Крым, Горбачёв встретился в Ново-Огарёве с Ельциным и Назарбаевым. Вот что первый и последний президент СССР пишет о той беседе.

«В ходе обмена мнениями родилось предложение рекомендовать Назарбаева на пост главы кабинета... Говорилось о необходимости существенного обновления верхнего эшелона исполнительной власти – заместителей премьера и особенно руководителей ключевых министерств. Конкретно встал вопрос о Язове и Крючкове – их уходе на пенсию. Вспоминаю, что Ельцин чувствовал себя неуютно: как бы ощущал, что кто-то сидит рядом и подслушивает... Он даже несколько раз выходил на веранду, чтобы оглядеться, настолько не мог сдержать беспокойства. Сейчас я вижу, что чутьё его не обманывало...».

Описывает ту встречу в своих мемуарах и Борис Ельцин, упоминая в числе обсуждавшихся кандидатов на вылет не только Крючкова и Язова, но и Пуго, Янаева, Павлова. Пройдёт немного времени, и президент России своими глазами увидит расшифровку того разговора, изъятую из сейфа Валерия Болдина.

Не банальный ли страх потерять кресла заставил окружение Горбачёва пойти на авантюру? Не эта ли тревога сплотила столь разных людей – осторожного Крючкова, по военному прямого Язова, добродушного, казалась бы, Павлова? У них не было и не могло быть какой-либо внятной программы. Ничего, кроме обещания дать всем по 15 соток земли, ГКЧП предвдвяти стране не мог.

Но такова уж логика политической борьбы: отстаивая личные интересы, представители элиты всегда защищают и интересы отдельных социальных групп, и какие-то идеальные ценности. Их руками в августе 1991-го последний бой попыталась дать разваливающаяся коммунистическая система. Крах заговора означал полный и немедленный крах этой системы.

«В первой половине 1991 года в одном любопытном аналитическом обзоре пришлось прочитать: равновесие политических сил в Советском Союзе весьма хрупко, оно может рухнуть в любой момент. И прогнозирует та сторона, которая первой сделает решительный шаг».

Видимо, замечания этого аналитика прошли мимо внимания будущих членов ГКЧП.

«Их разыскивает милиция»

Если выпуск части центральных газет был приостановлен постановлением ГКЧП, то местные издания никто не трогал. Редакции оказались вольны в определении своей позиции.

Утром 20 августа в газетных киосках Свердловска, как всегда, появилась областная молодежная газета «На смену!». На четвёртых её полосах всё называлось своими именами: портреты членов ГКЧП под заголовком «Их разыскивает милиция», мнения уральцев по поводу путча, исход которого ещё никто не мог предсказать. А накануне, 19 августа, в программе «Время» чудом прошёл правдивый репортаж о том, что происходит вокруг Белого дома.

Хунта, которая не в состоянии обеспечить лояльность СМИ? Пожалуй, именно тогда стало ясно, что сопротивление путчу неизбежно.

А 21 августа на площади 1905 года в Свердловске состоялся грандиозный митинг против переворота, в поддержку законов властей России. На нём, между прочим, выступил глава «резервного правительства» Олег Лобов, который прибыл на Урал, чтобы в случае чего возглавить отсюда сопротивление.

«К площади шли и шли колонны с заводских окраин. Казалось бы: именно промышленность больше всего лихорадило в то время. Именно уральская «оборонка» страдала от начавшейся тогда конверсии. Но факт остаётся фактом: трудовые коллективы военных заводов поддержали Бориса Ельцина, а не стремившийся «возродить престиж державы» ГКЧП. Людям просто надоело враньё, очередной порцией которого их пичкали в течение трёх дней.

Все понимали, что Россия переживает исторические дни, что после них многое должно измениться. Догадывались и о том, что все сложности реформ ещё впереди – через какое-то время пойдут разговоры о «революции обманутых надежд». Но какая, скажите, революция в истории не заслуживает такого определения?

В светлое же прошлое, судя по речам и плакатам, в те дни не рвался никто.

Урал в час испытаний

В дни августовского путча редакция Всесоюзного радио получала оперативную информацию от своего многолетнего сборщика по Свердловской области Яна ХУТОРЯНСКОГО. Мы попросили журналиста поделиться воспоминаниями о событиях двадцатилетней давности на Среднем Урале.

Не стану ретушировать первую реакцию земляков на попытку переворота в стране, которая разваливалась. Многие, с кем встречался, соглашались с тем, что «политика реформ в силу ряда причин зашла в тупик», как заявили в обращении к советскому народу гкачеписты.

Люди с болью говорили: «Мы устали ждать реальных перемен». «Когда прекратятся звонкие, но пустые дебаты, а благие намерения превратятся в дела?». Однако не было ни одного, кто одобрил бы действия путчистов.

Как собор, баррикады в одной из ключевых областей СССР, я понимал: Москве очень важна информация из опорного края державы, каким был и остаётся Урал. Между тем за полдня ни одно из моих первых сообщений в эфире Всесоюзного радио не прозвучало. Что-либо высказать не удавалось, так как телефоны редакции не отвечали или были заняты.

Вскоре радио начало передавать высказывания ведущих западных политиков, включая Дж. Буша-старшего, которые выражали неприятие самозванцев-инициаторов путча. В перебивках между непривычно редкими выпусками новостей звучала классическая музыка, что было до боли знакомо моему поколению...

Затем, как можно было понять из эфира «Маяка», в редакции что-то прояснилось, первая растерянность начала проходить. Как мне рассказали позже, заступивший на смену главный выпускающий редактор Александр Жетин завизировал многие не прошедшие материалы, в том числе и мои.

Среди них были эти: «Президиум областного Совета народных депутатов заявил о полной поддержке законной власти России и потребовал созыва внеочередного съезда народных депутатов страны». «Уральцы требуют предоставления прямого эфира М.С. Горбачёву и Б.Н. Ельцину».

В дни путча Свердловскую телерадиокомпанию, где находился корреспондентский пункт «Маяка», взяли под круглосуточную охрану военные. Многочисленные автоматы, они были на входах, территории, где стоит телебашня, в центральной аппаратурной радио. Дежурные инженеры предлагали солдатам посты, но никто из них постов не покинул и оружия из рук не выпускал.

В дни путча информации в Москву я диктовал стенографисткам с места события, а когда рассказывал о них из студии, за стеклом видел вооружённого солдата.

Особое место в августовской хронике занял, на мой взгляд, многотысячный митинг в Свердловске. Его участниками пришли на площадь 1905 года с лозунгами «Долой Пиночета!» и «Мы за Ельцина!» Городской стачечный комитет принял решение провести всеобщую политическую забастовку.

Сообщая об этом на «Маяк», я отметил, что президиум областного Совета народных депутатов решение не поддержал, мотивируя тем, что остановка производства нанесёт урон экономике области. И всё же забастовка состоялась. Такова была твёрдая политическая воля тружеников Урала, который на колени не поставит, как сказал Б.Н. Ельцин.

Сигналом к забастовке на Верх-Исетском металлургическом заводе стал старый, долго молчавший гудок. Это было непривычно и тревожно. Сотни коллективов, в том числе машиностроители УЗТМ, горняки пяти шахт объединения «Севуралбокситруд», приостановили работу на отдельных участках производства.

Свидетельством серьёзности ситуации в стране стало прибытие на Урал полномочных представителей президента России. Группу ответственных работников министерств и ведомств возглавлял заместитель председателя Совмина РСФСР наш земляк Олег Лобов. Выступая на сессии областного Совета народных депутатов, он сказал, что Свердловск выбран временным местом работы дублирующего правительства республики.

Захват власти – не заседания и согласования, не дележки кабинетов, а решительные действия и мгновенный ответ на быстрое изменение ситуации... На удачу демократических сил, им противостояли обычные советские бюрократы, привыкшие к коллективному руководству и коллективной же безответственности.

22 августа на многотысячном митинге победителей у Белого дома выступил президент России Борис Ельцин

Два часа ночи 22 августа. Президент СССР Михаил Горбачёв с семьёй вернулся из Фороса в Москву

Поздним вечером 19 августа у Белого дома. Солдаты, как и все, знакомятся с обращением российского руководства

Вновь Средний Урал «вошёл в клинч» с путчистами, когда сессия областного Совета народных депутатов отказалась выполнить их предписание о создании на местах комитетов, аналогичных ГКЧП. Сообщение об этом я незамедлительно передал в Москву, и оно тут же прозвучало в эфире радиостанции «Маяк».

Хронику драматических дней августа 1991 года завершило на Всесоюзном радио моё сообщение о телеграммах, в которых уральцы поздравляли законно избранную власть с победой над путчистами. Они гордились своим земляком Борисом Николаевичем Ельциным. В час испытания он как личность, гражданин и лидер доказал, что миллионы избирателей не ошиблись, голося за него.